

ПАВЕЛ ГОРБАЧЕВ

Ставьте лайки

Павел Горбачев

Ставьте лайки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23688217
ISBN 9785448502767

Аннотация

Сборник коротких эзотерических рассказов и переосмысленных историй из жизни, которые были написаны в 2003—2005 годах, после чего были оставлены до лучших времен. Эти времена наступили. Читайте и сами оценивайте, понравилось вам чтиво или нет. Заставили эти истории вас задуматься о мимолетности жизни? Если да, ставьте лайки.

Содержание

Ученик и учитель	5
Дядя Вова	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ставьте лайки

Павел Горбачев

© Павел Горбачев, 2017

ISBN 978-5-4485-0276-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ученик и учитель

Ученик подошел к двери и потянул ее на себя. Дверь не подавалась, в этот же момент ученик почувствовал, что из щели под дверью тянет холодный воздух. Немного помедлив, он толкнул дверь ногой, и она открылась. Бесшумно. Тем не менее, учитель, спавший в это время в комнате, внезапно оказался за спиной ученика, застывшего в дверном проеме. Учитель толкнул его вперед, и ученик оказался на полу. На полу комнаты, в которую ему никогда еще не приходилось входить. Тотчас же он почувствовал этот сквозняк всем телом. Мягко оттолкнувшись кончиками пальцев от холодного пола, ученик подскочил и встретился лицом к лицу с учителем.

Они смотрели друг на друга молча. Обычно они не говорили так, как говорят друзья, или родственники, или компаньоны. Точнее, они все же говорили друг другу каждый свое, но вовне не проникало ни звука. Их беседы проходили в полной тишине. Часто они оба замечали, что говорят одно и то же, и внутренне радовались этому обстоятельству.

Движение пальца, и по комнате полилась музыка. Эта музыка была до боли знакома им обоим. Она всегда забирала все фибры их души и уносила куда-то далеко. А когда кончалась пленка — они оказывались снова на своих местах, там где и были.

Вот снова неожиданно кончилась пленка, и они снова оказались там, где были. Они смотрели друг на друга и молчали. Глаза их говорили друг с другом, тогда как губы были скованы немотой.

Так они и стояли в комнате с открытым настежь окном. ученик, родившийся на 20 лет позже своего учителя, ставший учеником через десять лет смерти учителя, и учитель, смотрящий на мир с небольшим недоумением во взгляде и болью в застывшем навсегда сердце, смотрящий на своих учеников и не видящий их через стекло своей фотографии в рамке. Но так получилось, что один разговор стал достоянием вечности, как падающая звезда навсегда остается в памяти тех, кому удалось увидеть ее последний, самый яркий полет.

– Зачем тебе знать то, что знаю я?

– Затем, что я сильно того хочу.

– Но все же?

– Я хочу владеть такой же силой, какой владеешь ты.

– У меня нет никаких сил.

– Как так, ты ведь выглядишь очень сильным?

– Выгляжу... Я все оставил, когда уходил. Теперь у меня нет ничего.

– Где? Где ты это оставил? Я пойду и возьму твою силу.

– Мою силу? Ее уже там нет. Кстати, я никогда и не чувствовал себя сильным.

– Все правильно, настоящая сила приходит без усилий...

Так говорили мастера..

– Зачем тебе моя сила? Обрети свою собственную силу.

Так будет проще и надежнее.

– Думаешь, где-нибудь есть она, моя собственная сила, которую ты советуешь мне обрести?

– Я точно знаю, что ты ею еще не владеешь, но ты ею всегда обладал. Обладаешь и сейчас.

– Значит, так? Как тебе там?

– Мне нормально, иногда бывает обидно, но быстро проходит. Хотя меня многие и часто вспоминают, это ведь скывается...

– А откуда берется сила вообще?

– Она всегда есть, она ниоткуда не берется, никуда и не дается. Она просто есть.

– Ты говорил, что оставил свою...

– Строго говоря, нет ничего моего или твоего, нет ничего, что принадлежало бы кому-либо вечно.

– Я поверю тебе на слово...

– Тебе больше ничего не остается, просто думай и истина сама придет к тебе.

– Ты когда-нибудь жалеешь о чем-нибудь?

– Нет. Постарайся прожить свои так, чтобы не пришлось ни о чем жалеть... Я буду всегда сопровождать тебя в деле добра и справедливости.

Дядя Вова

Была у меня тоже бабушка. Она уже умерла. Жила она в Краснодаре на улице Седина, во дворе, который находится рядом с пивзаводом. Большая красная кирпичная стена пивзавода пролегла через весь двор, а за стеной день и ночь что-то шумело, тихо гудело и варилось. Познакомился я со своей бабушкой, маминой мамой, очень необычно.

Мне было семь или восемь лет, я только перешел во второй класс, и родители меня отправили в пионерский лагерь на море в Анапу. Это был довольно крутой лагерь, путевка туда досталась папе от Министерства цветной металлургии, где он тогда работал. Детей собрали во дворе министерства, посадили в автобус, отвезли в аэропорт «Внуково» и самолетом отправили на море в Анапу. Помню, что из всех детей я был самый младший, и абсолютно все дети, как и я, не хотели никуда уезжать, плакали. Однако, в лагере было неплохо в целом, хотя и случались всякие неожиданности. Именно с тех пор и до сих я не люблю незнакомых девочек и их общество. Именно с тех пор приобрел я хулиганский характер, вечной беспокойство и аллергию то ли на шоколад, то ли на всяческую обязаловку типа построений, хождений строем и марши пионеров, то ли на «крыс» и «стукачей». Так вот, Анапа находится в Краснодарском крае, а потому, чтобы меня проведать, по маминому письму на роди-

тельский день приехала ко мне бабушка Александра Петровна. До этого я видел ее только на фотографии. Я сразу ее узнал, причем она сразу показалась мне какой-то очень знакомой, хотя все время называл ее на ВЫ и просто стеснялся ее. Она привезла мне свежих огурчиков-помидорчиков и еще чего-то, что я впоследствии отправил в шкафчик с вещами и о чем немедленно забыл. О гостинцах я вспомнил только через неделю, но в полиэтиленовых пакетах от свежих овощей осталось лишь нечто...

На следующий год я уже поехал прямо к бабушке в Краснодар. Там в одном доме жили: бабушка, мой дядя, его жена и две их дочки. Дочек я как-то невзлюбил, хотя сначала эти мои племянницы относились ко мне дружелюбно. Им это было просто, потому что младшая была старше меня на полтора года, а старшая была уже в 11 классе. Во дворе также не сложились отношения со старшими ребятами, так как у них была своя компания, я и они заранее свысока отнеслись к маленькому москвичу, который общался с ними на равных и требовал уважения. Были еще двое ребят примерно моего возраста, Юрик и Женька. Эти были на два года младше меня, только Юрик был толстый мальчик и вымахал примерно моего роста, а Женька был маленький, но расчетливый и жадный. Короче, они «шестерили» перед старшими: в их присутствии иногда пытались поиздеваться надо мной. Надо сказать, это меня мало задевало, и я внутри себя торпливо прощал им их маленькие предательства.

Всех взрослых было принято называть так: тетя Люба, дядя Женя, дядя Вадик, дядя Саша, дядя Вова. Дядя Вова отличался от остальных взрослых тем, что с нами, с мелкими, он разговаривал на равных и общался с нами совершенно свободно. Иногда он собирал ораву пацанов и, с разрешения родителей, вел нас купаться на затон или на текучку. Иногда мы выезжали на остров, что рядом с Яблоновским мостом, но это было уже через несколько лет, когда мы стали постарше, и наша тусовочка окончательно определилась в составе.

Дядя Вова обычно после работы приходил в свой гараж, который находился рядом с детской площадкой, и спасался там от своей жены, тети Зины, и ее вечных попреканий.туда же к нему навевались и мы. Дядя Вова невзначай расспрашивал нас о том, как у нас дела, что нас волнует, что интересует. Он часто рассказывал о том, как жил на Чукотке с тетей Зиной, когда он туда уезжал колымить. От Чукотки дяде Воле и тете Зине остались раскосые глаза и неколебимое спокойствие дикой природы. Дядя Вова рассказывал, что если чужой человек приедет на Чукотку, то спокойно может жить там не более 3-х лет в первый раз, не более 5-ти во второй и не более 10-ти лет в третий. Если чужой человек проживет на Чукотке более 10-лет без перерыва, то он становится чукчей, у него становятся раскосыми глаза и он должен, если хочет жить, приезжать туда раз в пять лет, хотя бы на год. Так вот, дядя Вова и тетя Зина прожили там без перерыва 15 лет. Их глаза стали раскосыми, а внутри

утвердился какой-то неколебимый стержень, который позволял их из всяческих житейских бед, помогая переживать проблемы без вреда своему здоровью.

Дядя Вова показывал нам, пацанам, свое охотничье ружье, отделанное серебром и весящее оттого в три раза больше обычного, доставал иногда сделанные собственными руками арбалет и лук и показывал нам, как надо из них стрелять. Он мог запросто на всю компанию закупить кулек мороженого в стаканчиках и раздать за милую душу. Мог запросто организовать темной южной ночью на спортивной площадке возле стола для пинг-понга грандиозный костер с испечением в его углях картошки, а также мог за бутылку покрасить забор какому-нибудь хозяйственному соседу, при этом половину работы делали мы, пацаны, которые сами с охотой вызывались этот забор покрасить. По профессии дядя Вова был плотник-отделочник и мог сделать своими руками из подручных материалов абсолютно все. У него в гараже был станок, на котором он точил ножи, вытачивал всяческие полезные мелочи. Над станком была полка, единственным экспонатом которой был моржовый член. Дядя Вова всякий раз с гордостью показывал нам его, говоря, что из него получатся замечательные костяные нэцке. Он мечтал также сделать из кости фигурку лежащего моржа, но почему-то так и не принимался за работу. Еще у дяди Вовы были два фонаря, которые заряжали свои аккумуляторы от розетки, и мы часто ходили с ними по двору, освещая темень дво-

ра мощными лучами. Это были фонари, которые дяде Вове подарили пограничники, с которыми тот подружился на Чу-котке.

Взрослые почему-то не так сильно любили дядю Вову, как мы. Моя бабушка называла его алкашом, помнила его с детских лет и все-таки считала его большим ребенком. А тот, как и все люди его возраста, называл бабушку тетей Шурой, как называл и других стариков в нашем дворе: дядя Женья, тетя Саша и т. д. Многие родители считали его чуть ли не за прибабахнутого, но мы-то, пацаны, твердо знали, что дядя Вова – человек стоящий, и его просто недооценивают. Мы видели его насквозь, как видели и других взрослых, которые пресмыкались перед каким-нибудь богатым соседом, которые вечно лгали, не считались с нами, мелкими, как со взрослыми людьми, и вечно гоняли нас от водоколонки, когда мы приходили туда за водой для брызгалок. Только дядя Вова понимал нас и принимал нас такими, какими мы были, и всегда был рад с нами пообщаться.

Бывало такое, что наши посиделки переходили в разговоры о мироздании и устройстве этого мира, и часто дядя Вова среди всеобщего заворуженного молчания произносил всего лишь одно слово, и нам, 10—11 летним, как будто все становилось понятно и просто жить: «Дзэн». Темная ночь окутывала нас тогда полностью, затухающий костер все еще бросал вспышки света на стол, на скамьи возле него, на которых мы сидели, звезды становились как будто ярче и ближе

и рассказы про Чукотку приобретали вполне реальную форму и становились чем-то таким, что случалось и с нами, это становилось нашим общим прошлым, и мы все чувствовали себя чем-то единым и близким этой ночи и этим звездам.

Дядя Вова часто говорил, что ему скоро придет время снова уезжать на Чукотку, что он все-таки приедет потом снова в Краснодар, но в конечном итоге из-за того, что так долго прожил там без перерыва, ему придется переезжать на Чукотку навсегда. Мы в глубине души огорчались, но почему-то были уверены, что это нисколько не разлучит нас, нисколько не ослабит нашу общую дружбу.

Я тогда три года, с третьего класса по седьмой каждый год ездил в Краснодар и проводил там почти все лето. Потом одно лето я пропустил, потому что тяжело заболел и слег мой отец, и мы с мамой ухаживали за ним. Отец умер, не дожив до Нового Года четыре дня, а до дня рождения десять дней. На следующее лето я приехал в Краснодар и узнал, что дядя Вова уехал-таки на Чукотку и обещал вернуться назад через три года. Тетя Зина осталась в Краснодаре, к этому времени из армии вернулся их сын Ромка, который был и характером и внешне похож более на тетю Зину, нежели чем на дядю Вову. Теперь Ромка ходил в дядь-Вовин гараж и занимался там своими делами. Мы с ним конечно, не дружили, а дружили между собой, но это было уже нечто другое. Некому было помочь нам разобраться в своих чувствах, когда мы ссорились или спорили. Некому было повести нас за собой и по-

казать НАСТОЯЩЕЕ.

В тот год я уехал из Краснодара и больше туда не возвращался. В 1998-м году я все лето работал в Москве на стадионе «Динамо» в веломагазине, собирал велосипеды. В тот же год и на следующий я поступал в вуз. Безуспешно. В 1999 году внезапно в Краснодаре умерла бабушка, отношения моей матери со своим братом ухудшились: теперь он и его семья не желали видеть нас в доме, который полностью перешел в их владение. В 2000-м году я поступил в МГУ, начал учиться.

Прошло еще три года, когда летом 2003-го года неожиданно раздался междугородный звонок. Это из Краснодара звонил Женька, тот который был всегда мелкий и корыстный. Я не сразу узнал его повзрослевший голос, только лишь по южному акценту и знакомым интонациям голоса. Он пытался выяснить, не занимаюсь ли я покупкой-перепродажей-ремонтom отечественных машин. Он рассказал также, что сам учится в филиале Белгородского университета на каком-то холодильном факультете и то в основном на тройки, рассказал про Юрика, который «мотает последний год в армии» где-то под Серпуховом.

А на мой вопрос: приехал ли с Чукотки дядя Вова и как он там, Женька сказал: «А дядя Вова умер... Он со своим родным братом выпил пива, а потом дядя Вова пошел купаться в теплую ванну, стало плохо с сердцем и он умер. Дядю Вову хоронили всем двором».

Все. Детство кончилось. А что будет дальше? А?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.